

«ГЕНСЕКИ ЗНАЛИ ТОЛК В ПЕСНЕ»

Последние сорок лет Дмитро Гнатюк не спускался с вершин официальной славы. Он открывал в Киеве правительственные концерты: могучий, от природы смуглый, со щедрой улыбкой, в снежно-белой вышиванке — такой собирательный образ таланта из народа. Руководителей партии и государства он умиротворял одним внешним видом. Если народ так поет, значит — счастлив.

Классический репертуар Дмитра Гнатюка в Киевском оперном театре имени Т. Г. Шевченко — ведущие партии в «Тарасе Бульбе», «Наталке-Полтавке», «Мазепе», — был известен не менее, чем песня «Рушничок», которая в шестидесятые годы разошлась на пластинке тиражом в 17 миллионов экземпляров. Случись подобное за границей, певец стал бы обладателем «золотого диска» и, очевидно, миллионером. В Союзе он удостоился иной награды — «спасибо» за творческий труд.

Впрочем, Дмитрия Михайловича не обносили положенными званиями, должностями и номенклатурными благами, что он, в свою очередь, ценил. Народный артист СССР с 1960 года, депутат Верховного Совета СССР 8—10 созывов, кавалер орденов Ленина, Октябрьской Революции, Дружбы народов, лауреат Государственной премии 1977 года, кажется, не мог посещать ни на «кукурузный» период, ни на развитой социализм, ни на застой, ни на перестройку. Политические и социальные катаклизмы не влияли на тембр голоса «рашен баритона» (так называла Дмитра Гнатюка зарубежная пресса).

Не повлияла существенно на его творческую судьбу и обремененная Украиной независимостью. Сменились цвет власти, сменились ориентиры — но в афишах самых значительных по рангу концертов фамилия Гнатюка по-прежнему значилась в первых строках. Что чувствует сейчас

мой собеседник, при жизни попавший в справочную литературу на правах «национальной гордости»?

— Дмитрий Михайлович, вы хорошо знаете вкус славы. Вам аллодировал весь Союз, и песни понимали без перевода. Сейчас хорошим тоном считается отречение от всего, что связано с СССР. И вы, когда отдавали мне свою фотографию для газеты, тоже попросили вначале подрезать снимок снизу таким образом, чтоб на лапкане не виднелась звезда Героя...

— А потом решил: пусть будет, как было. Тут не в стеснительности или в боязни дело. В эти орден и звания вложен колоссальный труд и чудовищное напряжение сорока сценических лет. Сейчас я меньше выступаю как певец. Нашему театру оперы и балета имени Шевченко дан статус Национальной оперы, и от главного режиссера зависит очень многое.

— Не секрет, что многие «звезды» отечественного искусства считали счастьем и долгом выступать перед лидерами советской страны. И чем уже был круг «этих» людей, чем камерней и салоннее обстановка, тем выше котиrowался приглашаемый к «вождям» среди коллег. У вас в этом плане накоплен некий опыт?

— Сейчас любят осуждать: «Гнатюк — певец тоталитарного режима». Более нелепого обвинения не придумать. Я пел не для режима, а для слушателей. Да, я выступал перед зарубежными коммунистическими руководителями — Фиделем Кастро, например, но также и перед Никсоном, и королевой Англии, образно говоря, нравился и демократам, и монархистам. Да, я выступал перед Сталиным, Хрущевым, Маленковым, Брежневым, Горбачевым, и могу сказать, что они понимали толк в песне.

К Сталину я попал просто.

Его песня «Рушничок» разошлась на пластинке тиражом 17 миллионов по всему миру.

Без народного артиста СССР Гнатюка не обходился ни один правительственный концерт.

Как поживает знаменитый баритон сегодня!..

Еще студентом поехал в Москву, с народным хором, правда, мой консерваторский преподаватель (а поступал я в консерваторию не просто, без копеечки за душу, только с благословением наших украинских корифеев Марии Ивановны Литвиненко-Вольгемут и Ивана Сергеевича Паторжинского) категорически не разрешал мне петь где попаля и портить голос. А мне очень хотелось посмотреть на живого Сталина — как раз отмечался его 70-летний юбилей, вот и рискнул. Я пел соло в Большом театре, он сидел в ложе — очень близко. Это был 1949 год и, конечно, величайшее событие для меня. Потом все стало действительно относиться ко мне с каким-то боязливым почтением: «Ого, самому Сталину пел!» Согласитесь, это что-нибудь да значило в то время.

А я родом из карпатского села, из простой крестьянской семьи, и вообще, когда приехал в Киев на учебу, крышки над головой не имел, несколько ночей в беседке над Днепром спал — хорошо, что в мае...

Практически все лидеры СССР любили наши песни, поскольку были связаны с Украиной. Помню, выступал перед Брежневым и не раз видел, как у того слезы катились по щекам... А Хрущеву больше всего нравилась песня про рушничок — «Рідна мати моя, ти хочеш не доспаля...»

Вообще часто концерты завершали какие-либо партийно-правительственные мероприятия, а потом нас, артистов, приглашали на ужин. Мы это называли «встречи с Политбюро». Обычно они шли в КДС или в Большом театре: час-два — тосты, а потом — песни. И сразу всех тянуло на украинские, особенно Хрущев старался подпевать. Помню, министр Фурцева ко мне вот так, за столом, обратилась однажды: «Ну как там хохлы поживают?» А я не сдержался и поправил: «Не хохлы, Катерина Алексеевна, а украинцы!» Да-да, конечно, украинцы. Прекрасные у вас песни! То есть с ними можно было достаточно откровенно разговаривать.

— Вы страдали от запретов на песни по «идейным ображениям»?

— На XXIV съезде партии я исполнял песню Александра Биляша «Моя Україна». Она вызвала бурю непонимания и даже возмущения. Там такие слова: «Україно моя, Україно, я для тебе на світі живу». А насчет того, что Украина — советская и в составе СССР, ничего не сказано...

Опять же с оперой «Тарас Бульба» целая история получилась. В Москву шли сигналы, и тогдашний секретарь ЦК КПУ Маланчук на них решил отреагировать. То есть: выбросить из оперы все «скользкие места»: о поляках, чтоб не разжигать-де международный скандал. Хватились через три века! Я тогда имел несчастье быть директором театра, ходил к Маланчуку как на работу. И что же — из песни, говорят, слова не выбросишь, а из оперы — можно. Вычистили все, поменяли, приспособили, но спектакль в целом на сцене сохранили.

— Дмитрий Михайлович, а как относились к вашему творчеству Горбачев?

— Михаил Сергеевич знал меня. Когда я отмечал 60-летие и встал вопрос о присвоении мне звания Героя Социалистического Труда, то Горбачев сказал: «Я его хорошо знаю, Гнатюк заслуживает Героя».

Действительно, если так разобратесь, Герой Соцтруда — великое звание, и путь к нему тяжкий.

Горбачев не один раз после концерта подходил, благодарил, интересовался планами.

— Наверное, у вас во все времена хватало завистников?

— Ох, да. И больше с черной завистью, чем с белой. Мне кажется, я всю жизнь тратил меньше энергии на творчество, чем на преодоле-

ние чужой зависти. Массовой, причем.

Постоянные сплетни — мол, теряю голос. Если верить, последние двадцать лет теряю. Опять же ядовитая критика на режиссерские работы — «Князь Игорь», «Тарас Бульба», «Запорожец за Дунаем», не говоря уже о российской и западной классике. Изошрались по большей части коллеги, а не театроведы. Сколько б я ни пел, каким бы успехом ни пользовался — тут же полной мерой получал и критику. Даже диверсии мне устраивали...

— Это вы фигурально выражаетесь?

— Какое там? Я на сцене, весь во власти вдохновения, думаю только о перевоплощении героя. И не вижу, что мне сейчас подставят подножку, чтоб споткнулся и упал. И ведь упал же! А тот человек хохочет — «Га-га-га!», праздник у него, народного артиста уронил!

Разве я виноват, что моя судьба сложилась счастливо на Родине? У меня была тысяча возможностей устроить свою жизнь за границей, как многие молодые артисты делали. Убеждали по банальным причинам — хотели за свой талант в валюту получать, а представляются большими борцами с режимом. Я же не мыслил себя вдали от Киева, родных, театра. И то, что имел, меня устраивало. Без богатства спокойнее...

— Знакомо ли с вашим творчеством нынешнее руководство Украины?

— А как же! Леонид Макарович Кравчук любит искусство, песню, помогает театру.

— А вы не в курсе, сам Леонид Макарович поет?

— Вот не знаю. Но когда с трибуны выступает, голос у него сильный чувствуется.

Беседовала
Ольга МУСАФИРОВА.